
pocket**book**

rocket**book**

ЧЕРНОКНИЖНИК

Страшные истории

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44
Ч-49

Перевод с английского
*Людмилы Бриловой, Анастасии Бродоцкой,
Анастасии Липинской, Елены Микериной, Веры Полищук,
Веры Прянишниковой, Наталлии Роговской,
Сергея Сухарева*

Комментарии *Сергея Антонова*

Оформление серии *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Натуралист», 1875 г.,
художника Карла Шпицвега (1808–1885)

Чернокнижник: страшные истории : [перевод с
Ч-49 английского] / коммент. С. Антонова]. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-090865-3

Сборник малой мистической прозы о магических ритуалах, загадочных происшествиях и встречах с призраками. О таинственном и потустороннем писали непревзойденные рассказчики страшных историй: Ч.Л. Янг, Л. Кип, В. Ли, Э. и Х. Херон, М.Э. Уилкинс-Фримен, С. Бэринг-Гулд, А. Грей, Э.Г. Суэйн, Р. Патер, М. Джеймс, Э.Ф. Бенсон, Дж. Бакал.

УДК 821.111-312.2

ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44

© Л. Брилова, перевод на русский язык, 2018
© А. Бродоцкая, перевод на русский язык, 2018
© А. Липинская, перевод на русский язык, 2018
© Е. Микерина, перевод на русский язык, 2018
© В. Полищук, перевод на русский язык, 2018
© В. Прянишникова, перевод на русский язык, 2018
© Н. Роговская, перевод на русский язык, 2018
© С. Сухарев, перевод на русский язык, 2018
© С. Антонов, комментарии, 2018
© Издание на русском языке. Оформление.
000 «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090865-3

Чарльз Лоренс Янг

ДОЛГ ЧЕСТИ

Чу! Что там за крик, такой негромкий, но пронзительный, такой чудной и такой печальный? То не сурок свистит на горе Риги, не цапля кричит у озерной воды — о нет, то крик человека. Чу! Вот и снова — с погоста, а ведь я только-только оттуда!

И десяти минут еще не прошло, как я, сидя на низкой стене, окружающей церковь и кладбище в Веггисе, любовался мирным сияньем луны, серебром заливавшей Люцернское озеро, и не было там, кроме меня, ни единой живой души.

Выходит, я ошибся. Как же тихо здесь нынче ночью! Ни дуновения ветерка, что тревожит переливчатой рябью убегающую вдаль дорожку на воде — отражение августовской луны — и ласкает пышную листву орешника; ни возгласа из ближней деревни; ни плеска весла на озере. Всякая жизнь замерла в совершенном покое, и величавая неподвижность, что царит на ледяных вершинах Сен-Готарда, словно бы укрыла мертвенным покровом теплый мир внизу.

Задерживаться более нельзя: и без того мне, чтобы попасть в гостиницу, придется будить портье. Пора.

Однако я не успеваю пройти и десяти шагов. Крик доносится снова. Теперь мне кажется, что я слышу протяжный и печальный вздох, рыдание истерзанного горем сердца. Не медля больше, не внимая доводам рассудка, я ускоряю шаг. Я наугад ищущу дорогу меж могил, цепляюсь за кресты и впопыхах сдвигаю с мест сухие венки из бессмертников и букеты свежих цветов. Между мною и стеной, где я сидел меньше четверти часа назад, высится огромный склеп. От него к моим ногам пролегла густая тень. Ах! Там кто-то есть! Я вглядываюсь — из тени медленно выходит незнакомец, безмолвно занимает мое место на стене. Должно быть, тот странный тяжкий стон сорвался с его уст!

Как быть? Сострадание и любопытство сильнее меня. Нельзя же оставлять наедине с отчаянием того, чье сердце разрывается от муки! Он смотрит, как и я смотрел недавно, на озеро. Я вижу его профиль — четкий, правильный, — я подмечаю блеск больших лучистых глаз. Насколько я могу судить, лицо его невозмутимо, неподвижно. Наверное, я все-таки ошибся, и это просто путник, как я сам; он, вероятно, тоже слышал три странных крика и пришел узнать, в чем дело. Заговарю с ним.

С дорожки возле церкви я сворачиваю к восточной стене склепа и подхожу к незнакомцу, теперь лицо его освещает полная луна. О боже! Как он бледен!

— Добрый вечер, сэр. Я полагал, я здесь один, и очень удивлялся, что путешественники обходят стороной это место. Не правда ли, здесь дивный уголок?

С минуту незнакомец молчит и смотрит на меня в упор. Потом вдруг отвечает:

— Вы правы, мистер Реджинальд Весткар, уголок здесь дивный.

— Вы знаете меня? — изумленно восклицаю я.

— Прошу прощения, едва ли я могу претендовать на личное знакомство с вами. Просто вы единственный англичанин, чье имя вписано сегодня в «Livre des Étrangers»¹.

— Так вы тоже остановились в «Конкорде»?

В ответ лишь слабый наклон головы.

— Могу ли я спросить, — продолжил я, — не слышали ли вы престранный крик, который повторился трижды?

Молчание. Лучистые глаза пытливо изучают меня, как будто бы хотят проникнуть глубже, глубже... Их взгляд почти невыносим. Потом он отвечает:

— Да, может быть, я слышал отголоски звуков, которым подошло бы ваше описание.

Отголоски?! Так вот кто испускал те горестные крики! Возможно ли? Лицо его на вид столь безмятежно... Но бледность, покрывающая его черты, свидетельствует о тяжелых душевных муках.

— Я решил было, что с кем-то случилась беда, — поспешно подхватываю я, — и поскорее вернулся сюда узнать, не могу ли я чем-нибудь помочь.

— Весьма похвально с вашей стороны, — холодно замечает незнакомец, — но ведь в таких местах привычно слышать голос скорби.

— Несомненно. Напрасно я поддался порыву.

— Вы поддались ему из лучших побуждений. Благой порыв не лишит вас мирного сна нынче ночью, Реджинальд Весткар.

¹ Здесь: гостевая книга (в гостинице) (*фр.*).

При этих словах он поднимается. Запахивает поплотнее плащ и так стоит недвижно. Я понимаю молчаливый намек. Мой загадочный соотечественник желает остаться один. Здесь похоронен кто-то, кого он любил и утратил.

— Доброй ночи, сэр, — говорю я, направляясь в сторону часовенки у ворот. — Никто, ни вы, ни я, не лишится мирного сна, если подумает о том, какой совершенный покой царит в этом уголке.

— О чем вы? — не понял незнакомец.

— О мертвецах, — отвечаю я и жестом обвожу могилы. — Помните строку из «Короля Лира»? «Горькая жизнь кончилась, он спит»¹.

— Однако *вы-то* не умирали, Реджинальд Весткар. Не вам судить о смертном сне. — Он уже в третий раз произносит мое имя едва ли не фамильярно, и меня — не знаю почему — пробирает дрожь. Но я не успеваю в свой черед спросить у него, что он имеет в виду: незнакомец безмолвно удаляется в тень церкви, а я бреду в гостиницу, и на душе у меня отчего-то странно и тяжело.

Все эти события живо вспомнились мне, когда холодным ноябрьским днем 185* года я отправился на север. Примерно за полгода до того я получил диплом в Оксфорде и с легким сердцем поехал путешествовать по континенту, а когда вернулся в Лондон, обнаружил письмо от поверенных и, к своему немалому изумлению, узнал, что унаследовал небольшое имение в Камберленде. Но мне следует объяснить все по порядку. Матушка моя в девичестве была мисс

¹ Перевод М. Лозинского.

Рингвуд, младшая из троих детей в семье: старшую звали Альдина, среднего — Джеффри, а младшую — мою матушку — Алиса. Их мать, которая с самого рождения моей матушки вдовела, жила в том самом имении в Камберленде — называлось оно Низины — и умерла вскоре после свадьбы моей матушки с капитаном Весткаром, моим отцом. Моя тетушка Альдина и дядюшка Джеффри — первой тогда было двадцать восемь лет, а второму двадцать шесть, — остались жить в Низинах. Отцу с матерью пришлось уехать в Индию, где я и родился и где еще совсем ребенком осиротел. Спустя несколько месяцев после свадьбы моих родителей тетушка Альдина исчезла, а еще через месяц-другой дядюшка Джеффри скоропостижно скончался во время карточной партии с мистром Марионом, владельцем соседнего поместья под названием Топь. Спустя две недели со смерти брата тетя Альдина вернулась в Низины и более отчий дом не покидала, пока ее не вынесли в гробу на кладбище. После своего таинственного исчезновения тетушка Альдина вела жизнь исключительно замкнутую. В школьные годы я навещал ее раза два или три, однако эти визиты наводили на мою неокрепшую душу такое уныние, что, став старше, я под любым предлогом уклонялся от приглашений тетушки — не слишком, впрочем, настойчивых — и ко времени, о котором идет речь, не видел ее уже лет восемь или десять. Поэтому я искренне удивился, когда тетушка Альдина завещала мне Низины, которые сама она, как единственное оставшееся в живых дитя, унаследовала по брачному договору своей матери.

Надо сказать, в Низинах мне всегда было то-скливо, и мысль о том, что я поселюсь там навсег-

да, удручала меня. Даже дорога туда представлялась мне необычайно темной, холодной и безотрадной. Но вот я миновал сторожку; еще две сотни ярдов — и я на ступенях крыльца. Очень скоро дверь открыла старушка, которую я прекрасно помнил: она состояла при тетушке экономкой и кухаркой. Я сохранил о ней теплые воспоминания и рад был ее видеть. Признаться, я не сгорал от нетерпения поскорее оказаться в своем новообретенном поместье, однако весьма приличный обед заметно ободрил меня, особенно когда я узнал, что в подвале хранится изрядный запас старой мадеры. Естественно, вскоре я повеселел, и на меня нашла охота поговорить, и тогда я решил разузнать у миссис Болк о наших семейных делах. Старушка оказалась словоохотливой, и вот что я себе уяснил.

Моя тетушка жила в Низинах с самой смерти дядюшки Джеффри и отличалась скрытностью и молчаливостью, так что миссис Болк придерживалась того мнения, что ее постигло какое-то несчастье. От всяких сношений с соседями из Топи тетушка наотрез отказывалась. Сквайр Марион, будучи и сам человеком черствым и неразговорчивым, раз или два дал ей понять, что не прочь завязать дружбу, однако тетушка эти попытки решительно пресекала. Миссис Болк полагала, что мисс Рингвуд иногда, как она выразилась, «не все понимала правильно». Так, тетушка решила, будто обладает имущественными правами на имение Топь. Судя по всему, Рингвуды состояли в дальнем родстве с Марионами, и в давние времена Топь принадлежала некоему сэру Генри Бенету, а он был холостяк; отец сквайра Мариона и старый мистер Рингвуд оба приходились

ему дальней родней, и трудно сказать, кто из них имел больше прав на наследство; якобы сэр Генри недолюбливал старого Мариона и не раз говорил, что заранее положил конец всем будущим спорам, отписав Топь мистеру Рингвуду, отцу моей матушки, однако после его кончины завещания не нашли, и семейные поверенные сошлись на том, что законный наследник — мистер Марион, а мой дядюшка Джеффри с сестрами должны довольствоваться Низинами или вовсе остаться ни с чем. Мистер Марион был человек состоятельный, а Рингвуды были бедны, поэтому им отсоветовали затевать тяжбу, чреватую большими судебными издержками. Моя тетушка Альдина до последнего пребывала в уверенности, что сэр Генри все же составил завещание и мистер Марион об этом знал, но либо утаил, либо уничтожил бумагу. Из рассказа миссис Болк вовсе не следовало, что у мисс Рингвуд были основания для подозрений, и я сразу отмел все домыслы как беспочвенные.

— Так вы говорите, миссис Болк, что дядюшка Джеффри умер от удара?

— Это не я так говорю, сэр, и уж точно так не говорила мисс Рингвуд — так говорят другие.

— Да кто эти другие?

— А те, что живут в Топи, — молодой доктор, друг сквайра Мариона, которого тот привез из Йорка, и прочие... Дескать, мистер Джеффри свалился со стула и ударился головой о каминную решетку.

— Кажется, вы сказали, что это случилось, когда он играл в карты с мистером Марионом?

— Да, сэр. Очень уж он пристрастился к картам, наш мистер Джеффри.

— А мистер Марион ездит по соседям, принимает их у себя?

— Я вам так скажу, сэр: он частенько ездит в Лондон, иногда и к нему из города знакомые навешиваются, а вот соседей он не больно-то жалует.

— А дети у него есть, миссис Болк?

— Только дочь, сэр, славная девочка, а какая красавица! Мать мисс Агнес умерла при родах.

— Что же за беда случилась с тетушкой Альдиной, как вы думаете, миссис Болк?

— Ах, сэр, сдается мне, несчастная любовь. Недаром мисс Рингвуд терпеть не могла мужчин.

— Почему же она тогда завещала Низины мне, миссис Болк?

— Ах, не смейтесь над старухой, сэр! Понятно почему: она считала, что Топь должна по праву принадлежать вам как наследнику Рингвудов, вот и поселила вас тут, поближе к месту.

— Уповаю на то, что я женюсь на мисс Марион, а, миссис Болк?

— Все бы вам смеяться, сэр! Вряд ли она на такое рассчитывала, скорее уж думала, что вы, может быть, выведаете, куда делось завещание!

Я пожелал говорливой миссис Болк спокойной ночи и удалился в спальню. Это была просторная комната с низким потолком и дубовыми панелями по стенам. Должен признаться, семейные предания не слишком меня занимали, просто потому, что ни в школьные, ни в студенческие годы я их не слышал, и, раздеваясь, я размышлял скорее о том, что мне сулят охотничьи уголья Низин, восемьсот акров полей и лесов, а вовсе не о пропавшем завещании, которое, по всей видимости, не давало покоя бедной тетушке.

Долгое путешествие изрядно утомило меня, и вскоре я уснул в густой тени балдахина над массивной кроватью, напоследок дав себе зарок при первой же возможности порубить ее на дрова и заменить более современной, с металлическим каркасом.

Долго ли я проспал, не знаю, однако среди ночи меня вдруг как подкинуло — в ушах звенело эхо протяжного печального стога.

Я замер и прислушался, ловя каждый звук, — лишь в глухой ночной тиши так слушаешь тишайший шорох.

До меня донесся бой старинных часов, которые я заметил на лестнице по пути в спальню: пробило три. Звон не смолкал довольно долго, потом все снова стихло.

— Приснилось, — пробормотал я себе под нос и улегся обратно на подушку. — Не стоило пить мадера на ночь. Но что же это был за сон?

Я скоро понял, что заснуть мне не удастся, беспокойный ум принялся ворошить впечатления, скопившиеся за время путешествия по Европе. А кроме того, мысли мои то и дело возвращались к недавнему приключению на кладбище в Веггисе. Это меня вполне удовлетворило: я понял, что сон мой был как-то связан с криками, которые я там услышал. Повернувшись с боку на бок, я приготовился снова уснуть. Вероятно, я задремал — трудно сказать; однако вскоре меня опять подкинуло: все тот же крик, полный горькой безысходности, повторился, казалось, прямо под окном. Я поспешно раздвинул тяжелые занавеси балдахина — и тотчас в комнату хлынул тусклый потусторонний свет... Я увидел, как передо мной, словно постепенно сгущаясь из света

и приобретая человеческие очертания, проступает женская фигура. В ней я узнал свою тетушку, мисс Рингвуд. Оцепенев от ужаса, я глядел на привидение. Оно приблизилось ко мне, губы шевельнулись, и я отчетливо услышал слова:

— Реджинальд Весткар, Топь принадлежит тебе! Заставь Джона Мариона заплатить тебе долг чести!

Я без чувств рухнул навзничь.

Сознание вернулось ко мне, лишь когда меня пришли будить поутру: ставни были открыты, и я увидел алый отсвет холодного зимнего утра.

Ночь и разум связаны непостижимыми узами. Стоит проснуться среди ночи и вспомнить о своих тревоблениях, как они умножаются стократ. И вот уже обычная боль в мышцах становится бесспорным признаком неизлечимой внутренней болезни, мигрень — свидетельством начала разжижения мозга. Но наступает утро, и все страхи рассеиваются, а после прохладной ванны ты уже готов посмеяться над ними. Так было и со мной наутро после прибытия в Низины. Всему, что произошло — или якобы произошло — той ночью, я нашел разумное объяснение, заключив, что, хотя старая мадера необычайно хороша, впредь следует быть осторожнее и больше двух рюмок после обеда не пить. Само собой разумеется, я ни словом не обмолвился миссис Болк о своих дурных снах и вскоре после завтрака взял ружье и отправился попытать охотничьего счастья. В три часа я отослал егеря домой, поскольку его вместительные карманы были уже набиты, и сказал ему, что неплохо помню здешние места и на обратном пути не спеша прогуляюсь. Когда я набрел

на участок молодого леса — моего, как я опрометчиво полагал, — вокруг уже сгущался серый сумрак ноябрьского вечера. Я зашагал прямо через лесок и, выйдя из тени молодых деревьев, очутился у ручья, за которым расстилалось болото, а дальше виднелся еще один участок с саженцами. С болота вылетел бекас, я выстрелил и попал. Заметив среди деревьев за ручьем место, куда упала птица, я пошел за ней. По пути я поднял выводок куропаток: бах, бах — и одна упала к корням дуба. Я уже ступил под сень его ветвей, как появились молодая леди и джентльмен. Меня уколола неприятная мысль, что я, вероятно, нарушил границы чужих владений, и я тут же подошел принести извинения.

Не успел я и слова вымолвить, как джентльмен сам заговорил со мной:

— Позвольте спросить, сэръ, разве я давал вам разрешение охотиться в моих владениях?

— Прощу вас, сэръ, примите мои искренние извинения, если я случайно забрел на ваши земли, — ответил я и приподнял шляпу, выражая почтение даме. — В свое оправдание могу лишь сказать, что я чистосердечно заблуждался и полагал, что по-прежнему нахожусь на угодьях, принадлежащих Низинам.

— Отправляясь на охоту, джентльмен обязан знать пределы своих владений, — сурово ответил он. — Границы Низин обозначены ясно, да и площадь их не так уж обширна. По эту сторону ручья, сэръ, лежат земли, на которые у вас нет прав; сделайте одолжение, вернитесь к себе.

Я молча поклонился, уязвленный его тоном, и хотел удалиться, мимоходом отметив, что его юная спутница что-то шепчет ему.